

Ясунари Кавабата

Мэйдзин

Киев - 2003

*Фото на обложке:
Прощальная партия Мэйдзина (1938 год). Справа Хонинбо Сюсаи,
слева Китани Минору, 7 дан*

*Фото на стр. 100:
Прием по случаю шестидесятилетия Хонинбо Сюсаи (1934 год).*

Перевод с японского языка: Борис Корнилов

Первое издание на русском языке, июль 2003

Напечатано в Украине.

Copyright NNGG Production, 2003

e-mail: ufgo@mail.kar.net

<http://www.ufgo.org>

Мэйдзин Сюсаи, двадцать первый в династии Хонинбо, скончался утром восемнадцатого января 1940 года в городе Атами в гостинице “Урокоя”. Ему было шестьдесят шесть лет по японскому счёту.

Эту дату я никогда не забуду и не спутаю с другой, потому что каждый год 17 января в Атами отмечают Дни памяти писателя Одзаки Коё. Именно в этот день Наньити, главный герой романа Коё “Золотой демон” произносит на берегу моря в Атами свой знаменитый монолог “Сегодня луна...”.

Мэйдзин умер на следующий день после начала праздника.

В те времена было в обычае к Дням памяти Коё приурочивать некоторые другие торжества литературного мира, и в год смерти Мэйдзина эти празднования получились как никогда пышными.

Кроме Одзаки Коё город Атами описывали в своих произведениях Такаяма Тёгю и Цубоути Сё - их имена тоже поминали в заупокойной службе. В тот год благодарственные адреса от города за описание Атами в недавно изданных книгах получили три романиста - Такэда Тосихико, Осораги Дзиро и Хаяси Фусао. Я тоже был тогда в Атами и участвовал в Днях памяти Коё.

Вечером семнадцатого января мэр города давал банкет в гостинице «Дэсураку», где остановился и я, а на рассвете восемнадцатого меня разбудил телефонный звонок - мне сообщили о смерти Мэйдзина. Я сразу же отправился в гостиницу “Урокоя”, затем вернулся к себе, позавтракал и присоединился к приехавшим на Дни памяти Коё писателям, которые вместе с хозяевами из мэрии направлялись возлагать венки на могилу Цубоути. После кладбища я вновь зашел к себе в гостиницу, побыл недолго на банкете в павильоне Бусёан в Сливовом саду, а с середины вновь ушел в Урокоя и сфотографировал Мэйдзина на смертном ложе. Попозже я ещё раз пошел туда проститься с покойным - его в тот же день увозили в Токио.

Мэйдзин приехал в Атами пятнадцатого января, а восемнадцатого - умер. Как будто он специально приехал в Атами, чтобы умереть. Шестнадцатого я навестил Мэйдзина в гостинице, и мы сыграли две партии в японские шахматы - сёги. Вечером, едва я ушел, Мэйдзину вдруг стало плохо. Те две партии в любимые им сёги оказались последними в его жизни. Мне довелось быть наблюдателем от газеты на Прощальной партии в Го - последней официальной партии, сыгранной Мэйдзином Сюусаем; я был последним партнером Мэйдзина в сёги, и я же сделал последние фотографии покойного.

Моё знакомство с Мэйдзином началось в ту пору, когда газета “Токио Нити-нити” (ныне “Майнити”) поручила мне вести репортаж о ходе Прощальной партии. Хотя встречу организовала газета, тем не менее, игра получилась невероятно затяжной. Началась она 26 июня в зале Коёкан в парке Сиба в Токио, а закончилась в городе Ито 4 декабря. Одна партия в Го заняла почти полгода. Она откладывалась четырнадцать раз. Я опубликовал в газете

шестьдесят четыре репортажа о ходе игры. Правда, в середине партии Мэйдзин слёг, поэтому случился перерыв на три месяца, - с середины августа до середины ноября. Может быть, виной тому болезнь, но Прощальная партия для Мэйдзина окончилась трагически. Казалось, именно она отняла у него жизнь. После игры здоровье к Мэйдзину так и не вернулось, а через год его не стало.

2

Прощальная партия Мэйдзина закончилась 4 декабря 1938 года в 2 часа 42 минуты пополудни. Последним был 237 ход черных.

Не произнося ни слова, Мэйдзин сделал движение, собираясь заполнить нейтральные пункты на доске. В этот момент один из судей, Онода Шестой дан, сказал: “Кажется, пять очков” - голос его был полон почтительности, и сказал он это из сочувствия к Мэйдзину - перестановка камней и подсчет очков на доске сделали бы поражение Мэйдзина слишком явным.

- Да-а,... пять очков... - пробормотал Мэйдзин, поднял тяжелые веки и убрал руку от камней.

Заполнившие зал зрители и члены организационного комитета молчали. Будто желая разрядить тяжелую атмосферу, Мэйдзин тихо произнёс: “Не попади я в больницу, мы бы закончили ещё в августе в Хаконэ”. Затем он спросил о своем расходе времени.

- Белые - девятнадцать часов пятьдесят семь минут... без трёх минут половина лимита, - ответил один из молодых профессионалов, который вел запись расхода времени каждым из партнеров.

- Чёрные - тридцать четыре часа девятнадцать минут...

На одну партию профессионалам высокого класса обычно даётся по десять часов. Однако для этой партии было сделано исключение, и партнёрам отвели по сорок часов, в четыре раза больше обычного. Чёрные истратили почти весь лимит - тридцать четыре часа, - огромное время. Случай небывалый с тех пор, как в Го ввели контроль времени.

Игра закончилась около трёх часов, и горничная принесла обед. Все присутствовавшие по-прежнему молча и неотрывно смотрели на доску.

- Что там? Фасолевый суп? - спросил Мэйдзин у своего противника Отакэ, мастера седьмого дана.

Когда игра была закончена, молодой Седьмой дан сказал: “Сэнсэй, покорно вас благодарю”. Он поклонился Мэйдзину и застыл с низко опущенной головой: руки сложены на коленях, белое лицо стало ещё бледнее.

По примеру Мэйдзина, смешавшего камни. Седьмой дан принялся складывать черные камни в чашу. Мэйдзин не сказав ни слова об игре, встал и как ни в чем не бывало вышел из комнаты, как всегда. Конечно, ни слова не проронил и Седьмой дан. Иное дело, если бы проиграл он.

Я тоже вернулся в свою комнату и, случайно глянув в окно, увидел Отакэ Седьмого дана - он каким-то чудом успел переодеться в ватное кимоно и теперь одиноко сидел на скамейке во дворе. Его руки были скрещены на груди и напряжены, бледное лицо опущено вниз. Близился пасмурный зимний вечер. На широком и холодном дворе виднелась лишь фигура погруженного в раздумья Отакэ.

Я открыл застекленную дверь на веранду и окликнул его: “Отакэ-сан, Отакэ-сан!”. Он резко, будто в гневе, оглянулся на мой зов и снова отвернулся. Мне показалось, что на лице у него слёзы.

Я отошёл от двери и увидел, что у меня в комнате находится супруга Мэйдзина - она зашла поблагодарить меня.

- Вы так долго нам помогали ... были так любезны.

Пока я разговаривал с ней, фигура Отакэ исчезла со двора. Он вновь с непостижимой быстротой переделался в кимоно с гербами и уже совершал торжественный обход в сопровождении своей жены. Он поблагодарил Мэйдзина, членов оргкомитета, зашёл и в мою комнату. Я в свой черёд отправился благодарить Мэйдзина.

3

Едва закончилась эта растянувшаяся на полгода партия, как на следующий же день все причастные к ней люди поспешно разъехались по домам. Это было как раз накануне пробного пуска железнодорожной ветки на город Ито.

Городок Ито, к которому подвели железную дорогу, в ожидании зимнего курортного сезона украсил свою главную улицу и выглядел нарядным.

У профессиональных игроков Го есть правило - во время матча они “консервируются”. Вместе с ними сидел безвыходно в гостинице и я. Теперь, когда мы ехали в автобусе, оживленность города особенно бросалась в глаза. Я испытывал облегчение, словно вышел из погреба.

Вблизи железнодорожного вокзала виднелся свежий грунт новой дороги, стояли наскоро построенные домики. Весь этот хаос чем-то напоминал редакцию и казался мне подлинным лицом внешнего большого мира.

Когда автобус выкатился из Ито и побежал вдоль берега, нам навстречу попало несколько женщин с вязанками хвороста за спиной. У некоторых к хворосту была привязана рябина. Меня неожиданно потянуло к людям, как бывает, когда перевалишь через гору и вдруг увидишь дымки деревни.

От обыкновенных житейских дел вроде подготовки к Новому году, веяло теплом и уютом. Мне казалось, что я вырвался из какого-то ненастоящего мира. Вот женщины набрали хвороста и теперь, должно быть, идут домой готовить ужин. Тускло светилось море, и нельзя было понять, где находится солнце. Так бывает зимой, когда быстро темнеет.

Но и в автобусе я продолжал думать о Мэйдзине. Меня пронизывало

сострадание к нему и, может быть поэтому, я испытывал сочувствие ко всем людям вообще.

Все, кто имел отношение к Прощальной партии, покинули городок. В гостинице города Ито остался лишь Мэйдзин с супругой.

“Непобедимый” Мэйдзин проиграл свой последний в жизни поединок и никто не удивился, если бы он уехал первым. Ему пришлось одновременно бороться с двумя противниками - Отакэ и болезнью, и он нуждался в отдыхе. Это правда. Но и отдыхать было бы лучше где-нибудь в другом месте. Неужели Мэйдзин мог так бесстрастно, так равнодушно относиться к своему поражению? Ни члены оргкомитета, ни я не хотели оставаться там ни одной лишней минуты и сразу разъехались по домам, словно сбежали. Остался только побежденный Мэйдзин. Унылая, гнетущая атмосфера... Всё это Мэйдзин предоставил людскому воображению, а сам... Сам он сидел тихо, как всегда, и лицо у него было бесстрастным, будто все происшедшее его не касалось. Его противник, Отакэ Седьмой дан, уехал в числе первых. У него в отличие от бездетного Мэйдзина была большая семья.

Спустя два-три года после Прощальной партии я получил от жены Отакэ письмо, в котором она сообщала, что их семья увеличилась до шестнадцати человек. Семья в шестнадцать человек, - в этом чувствовался характер Седьмого дана или даже, если угодно, его жизненная позиция. Мне захотелось навестить его. Вскоре после этого умер отец Отакэ, и семья уменьшилась до пятнадцати человек. Я отправился к ним выразить соболезнование. Правда, для соболезнования было немного поздно, потому что со дня похорон прошло, по-моему, уже больше месяца. Это был мой первый визит и оказалось, что Отакэ в отъезде, но его жена так тепло встретила меня, что я прошел в гостиную. Когда я закончил слова приветствия, жена Седьмого дана подошла к двери и кому-то сказала: “Позови-ка всех!”. Послышались шаги, и в комнату вошло несколько подростков. Они выстроились в ряд и застыли как по команде “смирно”. Все они походили скорее на живущих в доме учеников и были в возрасте от десяти-двенадцати до двадцати лет. В их числе была краснощекая, круглая и крупная девочка.

Жена Седьмого дана назвала меня и сказала: “Поздоровайтесь с сэнсэем!”. Ученики одновременно поклонились резким поклоном. Чувствовалось, что это очень дружная семья. В этом доме не было никакой нарочитости, все делалось в естественной манере. Едва мальчишки вышли из комнаты, как послышался шум, которым они наполняли просторный дом. Жена Седьмого дана пригласила меня подняться на второй этаж. Там я сыграл лёгкую партию в Го с одним из учеников. Жена Седьмого дана угощала одним блюдом за другим, и я засиделся у них допоздна.

В число шестнадцати членов семьи, конечно же, входили и домашние ученики. Никто из молодых профессионалов кроме Отакэ не содержал в своём доме столько учеников. Разумеется, свою роль в этом играли и его

известность, и заработки, но всё же главным, пожалуй, была широта натуры Отакэ Седьмого дана, привязанного к семье и без памяти любившего детей.

Когда он был противником Мэйдзина в Прощальной партии и “сидел в консервной банке”, то закончив игровой день, сразу уходил в свою комнату и звонил по телефону жене:

- Здравствуй, милостью сэнсэя мы продвинулись до такого-то хода.

Только это. Ни одного неосторожного слова, которое могло бы намекнуть на положение в партии. Когда голос Седьмого дана, говорившего по телефону, доносился до моей комнаты, я не мог не испытывать к нему симпатии.

4

На церемонии открытия Прощальной партии в зале Коёкан в парке Сиба черные и белые сделали по одному ходу. На следующий день партия продвинулась до двенадцатого хода. После этого игра должна была продолжаться в городе Хаконэ. Мэйдзин, Отакэ Седьмой дан и все члены оргкомитета ехали вместе, одним поездом, а вечером в день приезда Мэйдзин отдыхал за чашкой сакэ. Игра по-настоящему ещё не началась, разногласия между партнерами ещё были впереди. Мэйдзин говорил оживленно, чуть ли не жестикулируя.

Большой стол в гостиной, куда нас сначала привели, был отлакирован, кажется, в стиле Цугару. Зашел разговор о лаке. Мэйдзин сказал: “Не помню точно, когда это было, но мне довелось видеть доску для Го целиком из лака. Не лакированную! А целиком сделанную из твердого лака. Её изготовил интереса ради один мастер по лаку из Асмори. Потратил на неё двадцать пять лет. Подождет, пока один слой высохнет, и накладывает новый слой. Вот почему работа заняла столько времени. Чаши для камней и крышка для доски тоже были из лака. Весь этот набор тот мастер передал на выставку. Хотел за него получить пять тысяч йен, да только покупателя не нашлось. Тогда он принес её в Ассоциацию Го и просил помочь продать за три тысячи. Но не знаю, не знаю... Уж слишком она была тяжелая. Тяжелее меня. Весила килограммов пятьдесят”.

Мэйдзин посмотрел на Отакэ.

- Отакэ-сан, как будто, снова поправился, да?

- Шестьдесят кило...

- Хо-о! Ровно вдвое тяжелее меня. А ведь моложе меня в два раза.

- Мне уже тридцать, сэнсэй. Плохой возраст - тридцать лет. Когда сэнсэй позволял мне приходить к нему домой и давал уроки, я был тощим как щепка, правда? - Отакэ Седьмой дан вспомнил свою юность.

- Когда сэнсэй давал мне уроки и я заболел, супруга сэнсэя выходила меня. Я никогда этого не забуду.

Разговор перекинулся на курортное местечко в префектуре Синсю, откуда

родом была жена Седьмого дана, а затем перешел на семейные темы. Отакэ Седьмой дан женился в возрасте двадцати трех лет. В то время у него был лишь пятый дан. С тремя детьми и тремя домашними учениками его семья насчитывала десять человек.

Он рассказал, что его дочь научилась играть в Го, когда ей было шесть лет, причем научилась, глядя на игру взрослых.

- Тогда я попробовал сыграть с ней на форе в девять камней, запись партии я сохранил.

- Хо-о! На девяти камнях? Молодец! - сказал Мэйдзин.

- Младшей четыре годика, но уже понимает, что такое атари. Есть у них способности или нет, пока не знаю. Будь они постарше...

Никто из присутствовавших, казалось, не знал, что ответить на это.

Похоже и впрямь Седьмой дан - один из корифеев мира Го, садится играть со своими крошечными детьми, и если уж найдет в них искру Божию, то непременно сделает из них профессионалов, таких как он сам. Принято считать, что способности к Го проявляются в десятилетнем возрасте, и что если в этом возрасте не начать серьёзные занятия, то больших успехов не добиться. И все же на меня рассказ Седьмого дана произвел странное впечатление. Может быть в нем говорила молодость. Тридцать лет. Игра уже полностью его захватила, а усталость от игры ещё не пришла. Помню, я ещё тогда подумал, что у него, наверное, счастливая семья.

Мэйдзин завел разговор о своем тогдашнем доме в Токио, в районе Мэтагая. Из 530 квадратных метров участка постройка занимала целых 250 метров, поэтому двор был пустоват, и они с супругой хотели бы перебраться в новый дом, где двор пошире. Сейчас они живут вдвоем. Домашних учеников у него нет.

5

Когда Мэйдзин выписался из Больницы Святого Луки, прерванная на три месяца партия была продолжена. Играли в гостинице “Данкоэн” в городке Ито. В первый день было сделано всего пять ходов - от сто первого до сто пятого, после чего вновь начались споры и назначить новый игровой день все никак не удавалось. Мэйдзин требовал изменить условия игры, так как был болен, а Отакэ Седьмой дан на это не соглашался и угрожал отказаться от доигрывания. Клубок противоречий запутался ещё больше, чем в Хаконэ.

И партнеры, и члены оргкомитета сидели в гостинице. Мучительно тянулись и попусту пропадали дни. Тогда-то Мэйдзин и предпринял поездку в Кавана, чтобы немного развеяться. Примечательно, что предложил поездку сам Мэйдзин, хотя по натуре он был домоседом. С ним поехали его ученик

Симамура Пятый дан, девушка-секретарь, которая вела запись ходов, трое профессионалов из Ассоциации и я.

Однако едва мы вошли в гостиницу “Канко” в Кавана, как сразу стало ясно, что сидеть в креслах в вестибюле гостиницы и пить чай - а больше там делать было нечего - Мэйдзину совершенно не подходило.

Вестибюль представлял собой полукруглый, со всех сторон застекленный фонарь, выступавший из здания в сад. Он больше походил то ли на смотровую беседку, то ли на солярий. Справа и слева от широкого, заросшего травой двора виднелись поля для игры в гольф, принадлежавшие командам “Фудзи” и “Осима”. И двор гостиницы, и площадки для гольфа вплотную подходили к морю.

Я с давних пор любил светлые и просторные пейзажи Каваны и надеялся, что скучавшему Мэйдзину захочется ими полюбоваться. Я следил за его выражением лица, но Мэйдзин задумался, и нельзя было понять, заметил ли он, какая красота его окружает. Не смотрел он и на других обитателей гостиницы. Лицо его оставалось непроницаемым. Ни слова не проронил он ни о пейзаже, ни о гостинице. Как всегда, за него говорила супруга. Она хвалила красивый пейзаж и обращалась к Мэйдзину, ища подтверждения. Однако Мэйдзин не выражал ни согласия, ни протеста.

Мне хотелось, чтобы он побыл хоть немного на солнце, и я пригласил его выйти во двор.

- Да-да, давайте выйдем. На улице тепло. Тебе не повредит. Может, почувствуешь себя лучше, - уговаривала его супруга. Мэйдзин не возражал.

Стояла золотая осень, и площадка “Осима” виднелась как бы сквозь дымку. Над холодным морем завис коршун. Двор, заросший травой, окаймляли сосны и море. На линии, отделявшей зелень травы от моря, виднелось несколько пар молодоженов, приехавших сюда в свадебное путешествие. Сказывалось ли здесь ощущение простора и света, но они не выглядели кричаще одетыми, как обычно выглядят молодожены в свадебном путешествии. Кимоно невест четко выделялись на фоне моря и сосен, и издали казалось, излучали свежесть. Сюда приезжали новобрачные из богатых семей. Я почувствовал зависть, которая, впрочем, больше походила на сожаление, и обратился к Мэйдзину.

- Это все молодожены...

- Какая скука... - проворчал Мэйдзин. Это безразличное ворчание мне потом не раз вспоминалось. Мне хотелось пройтись по траве, посидеть на ней, но Мэйдзин стоял, не двигаясь, и я должен был стоять рядом с ним.

На обратном пути мы заехали на озеро Ицубеки. Крошечное озеро, пустынное в вечерний час поздней осени, было на удивление красивым. Мэйдзин тоже вышел из машины и постоял немного, глядя на озеро.

Отель в Кавана был настолько хорош, что на следующий день утром я

пригласил съездить туда и Отакэ Седьмой дан. Из всех сил старался я развеять дурное настроение Седьмого дана, но тот словно нарочно сопротивлялся. Вместе с нами поехали секретарь Ассоциации Го Явата и корреспондент “Нити-нити симбун” Сата. На обед мы сами приготовили скияки в деревенской хижине, стоявшей на территории гостиницы. Я хорошо знал гостиницу в Кавана, потому что бывал здесь и раньше по приглашению Окуры Киситиро, основателя фирмы “Окура”, по приглашению танцевальных ансамблей, да и сам по себе.

Осложнения с партией продолжались и после поездок в Кавана. Улаживать разногласия между Хонинбо Мэйдзином и Отакэ Седьмым даном приглашали даже меня, хотя я был всего лишь наблюдателем от газеты. Наконец, двадцать пятого ноября состоялось доигрывание.

Мэйдзин попросил поставить рядом большой горшок с углями - хибачи, а сзади - ещё одно длинное хибачи, на котором кипел чайник, чтобы можно было греться паром. По настоянию Седьмого дана Мэйдзин обмотал шею шарфом, который с изнанки выглядел тканым, а с лицевой стороны - валяным. Кроме того, Мэйдзин завернулся в какой-то плед, смахивавший на женскую накидку. Этот плед он не снимал даже у себя в комнате. В тот день у Мэйдзина была небольшая температура.

- Сэнсэй, какая у вас обычно температура? - спросил Седьмой дан, не отводя глаз от доски.

- Э-э..., тридцать пять и семь, тридцать пять и восемь... Что-то около того... Тридцать шесть не бывает никогда, - тихо ответил Мэйдзин, будто смакуя слова.

В другой раз, когда Мэйдзина спросили, какой у него рост, он сказал: “В молодости, когда проходил военную медкомиссию, во мне было метр пятьдесят один. Потом я ещё вырос на девять сантиметров и стал метр шестьдесят. Но с возрастом рост стал уменьшаться и сейчас - метр пятьдесят два”.

Когда в Хаконэ в разгар игры Мэйдзин заболел, врач, который его осматривал, сказал: “У него тело недокормленного ребенка. Что это за икры? В них совершенно нет мяса. Удивляюсь, как у него хватает сил двигаться? Лекарства в полной дозе ему давать нельзя. Ему нужно давать детские дозы, как тринадцатилетнему”.

6

Сидя за доской, Мэйдзин казался крупным человеком. Конечно, свою роль в этом играли его мастерство, звание, умение держаться. Но надо сказать, что для роста метр пятьдесят два его тело было непропорционально длинно. Большим и удлинённым было и его лицо. Нос, рот, уши - также были велики.

Сильно выступал вперед подбородок. Все это было заметно и на снятой мною посмертной фотографии.

Пока фотографии не были отпечатаны, меня очень беспокоило, как на них вышел Мэйдзин. Проявить пленку и отпечатать снимки я попросил в фотоателье высшего разряда “Нономия сясинкай”. Я их предупредил, что на пленке снимки покойного Мэйдзина и попросил обращаться с ней поосторожнее.

После Дней памяти Коё я ненадолго заехал домой, а потом вновь должен был ехать в Атами. Перед отъездом я настрого наказал жене переслать фотографии в Атами в гостиницу Дзюраку, как только она получит их. Ни жена, ни кто-либо другой не должны были видеть эти фотографии. Ведь эти снимки любительские, и если покойный Мэйдзин получился на них плохо, то пусть ни одна душа не увидит их и не узнает об их существовании. Если фотографии плохие, то я не стану их показывать ни вдове, ни ученикам Мэйдзина, а просто сожгу. К тому же в моем фотоаппарате иногда заедал затвор, и я не был уверен, что вообще хоть что-нибудь получится.

Жена позвонила мне как раз в тот момент, когда я вместе с другими участниками Дней памяти Коё вяло жевал скияки из индейки на банкете в павильоне Бусёан. Она сказала, что супруга Мэйдзина просит меня прийти и сфотографировать покойного. Дело в том, что когда я утром вернулся к себе в гостиницу после прощанья с Мэйдзином, мне пришла в голову эта мысль, и я через свою жену, которая шла к супруге Мэйдзина выражать соболезнование, предложил свою помощь: если нужно, я смог бы сделать фотографии или гипсовую маску. Маску вдова не захотела, а на фотографии согласилась, и жена позвонила, чтобы сказать мне об этом.

Когда настало время действовать, я вдруг потерял уверенность, что смогу выполнить эту нелегкую миссию - сделать хорошие фотографии. В моём фотоаппарате иногда заедало затвор, и я боялся, что у меня может ничего не выйти. Поэтому очень обрадовался, когда в павильон неожиданно зашел фотокорреспондент, которого прислали для съёмки торжеств на Днях памяти. Я попросил его пойти со мной и сфотографировать покойного Мэйдзина. Фоторепортёр сразу же согласился. Правда, вдове и другим могло не понравиться то, что я без предупреждения приведу постороннего фотографа, но я решил рискнуть. Это все-таки лучше, чем снимать самому. Однако распорядители Дней памяти заявили, что они очень сожалеют, но не могут пропустить фотографа. Было трудно что-либо возразить. Смерть Мэйдзина касалась только меня. Моё настроение совершенно не совпадало с настроением других участников Дней памяти. Тогда я попросил фотокорреспондента взглянуть, что с затвором. Он объяснил мне, что на худой конец можно оставить объектив постоянно открытым и прикрывать объектив ладонью вместо затвора. Он также зарядил в аппарат новую плёнку, и я на

такси отправился в гостиницу “Урокая”.

В комнате, где лежал покойный, были закрыты ставни и горела лампочка. Вместе со мной в комнату вошли вдова и её младший брат. Брат сказал: “Темно, не хватит света. Я открою ставни”.

Я сделал около десятка снимков. Чтобы не рисковать, я открыл затвор и действовал рукой, как научил меня фотограф. Мне хотелось сделать снимки с разных направлений и углов, однако атмосфера благоговения не позволяла мне бесцеремонно расхаживать вокруг тела и я фотографировал с одного места.

Когда жена посылала готовые фотографии из Камакура, она мне написала на обороте фирменного пакета ателье “Нономия”: “Только что получила из ателье. Внутри не заглядывала. Тебе нужно зайти четвертого в пять часов в канцелярию храма насчёт праздника”.

Приближался праздник весны сэцубун, и на церемонию разбрасывания бобов в храме Хачимана в Цуругаока на роль “старейшин” были приглашены камакурские литераторы.

Первое, что мне бросилось в глаза, едва я достал фотографии из пакета, было лицо покойного Мэйдзина. Снимки получились хорошие.

Мэйдзин на них казался спящим, но в то же время ощущался и покой смерти.

Я фотографировал слегка присев, примерно на уровне живота покойного, поэтому Мэйдзин был виден мне снизу наискосок. Знаком смерти было отсутствие подушки - из-за этого лицо хранило выражение глубокой скорби. Это выражение подчеркивалось выступавшим подбородком и слегка приоткрытым ртом. Мощный нос казался настолько большим, что становилось немного не по себе. От складок закрытых век до погруженного в густую тень лба - все передавало выражение скорби.

Свет от окна с полуоткрытыми ставнями падал на покойного с изножья, свисавшая с потолка лампочка также освещала лицо снизу, изголовье было опущено. Поэтому лоб находился в тени. Свет падал от подбородка на щеки и освещал другие выступающие части лица: запавшие веки, надбровья, переносицу.

Присмотревшись, я заметил, что нижняя губа была в тени, а верхняя - освещена. Между ними лежала густая тень рта, в котором поблескивал один из верхних зубов. В коротко постриженных усах видны были седые волоски. На правой, дальней от меня щеке были две большие родинки. Они тоже давали тени, которые получились на снимках. Получилась даже тень от набухшей вены, которая шла от виска ко лбу. Темный лоб пересекала поперечная морщина. В одном месте свет достигал стриженных ежиком волос надо лбом. Волосы у Мэйдзина были жёсткие.

7

На правой щеке были две большие родинки, и волосы правой брови на снимке выглядели очень длинными. Их концы изгибались дугой и почти достигали линии смыкания век. Почему они казались такими длинными. И длинные волосы бровей, и большие родинки придавали мёртвому лицу грустное выражение.

Увидев эти длинные волосы в бровях, я с грустью вспомнил, как шестнадцатого января, за два дня до смерти Мэйдзина, мы с женой зашли провести его в гостиницу Урокая. Его супруга обратилась ко мне, сперва взглянув на Мэйдзина, как бы извиняясь.

- Да, вот ещё что... Я хотела вам сказать при встрече... Вы помните насчёт брови?.. - она ещё раз взглянула на Мэйдзина, словно прося разрешения продолжить.

- Это было как раз двенадцатого числа. Было довольно тепло. Мы как раз собирались в Атами, ему нужно было побриться получше и мы пригласили нашего парикмахера. Тот брил его на веранде, на солнце, и вдруг муж говорит: "Господин парикмахер! В левой брови у меня есть длинный волосок. Говорят, это примета долголетия. Вы уж постарайтесь, господин парикмахер, не заденьте его случайно" - так он сказал парикмахеру. А тот убрал руки от лица и говорит: "Как же, как же, волосок на месте. У сэнсэя есть волосок счастья. Сэнсэй будет долго жить. Не беспокойтесь. Ни в коем случае не задену".

А муж посмотрел на меня и говорит: "Про этот волосок господин Ураками, кажется, даже в газете написал. У господина Ураками острый взгляд, если он замечает такие мелочи. Правда? Пока он не заметил этот волосок, я о нём даже не подозревал». Вот так он и сказал. И знаете, даже настроение поднялось.

Пока жена говорила, Мэйдзин, как всегда молчал, лишь тень пробежала по его лицу, как от пролетевшей птицы. Мне стало неловко. Я и вообразить не мог, что Мэйдзин умрёт через два дня, после разговора о длинном волоске в брови, который пощадил парикмахер, как примету долголетия.

Конечно, не Бог весть какое событие - заметить длинный волосок в брови у старика да написать об этом. Но писал я это в такой трудный момент, когда казалось, что даже какой-то волосок может повлиять на ход событий. В Хаконэ в гостинице "Нарая" я написал следующий репортаж:

"Старого Мэйдзина сопровождает супруга, и всё время находится с ним в гостинице. Супруга Отакэ постоянно ездит в Хаконэ из Хирацука, потому что у неё в Хирацука трое детей. Самому старшему из них исполнилось лишь шесть лет. Больно смотреть со стороны, как страдают эти две женщины. Обе они заметно осунулись и побледнели с 10 августа, то есть, с тех пор, как

Мэйдзин оправился после болезни”.

Супруга Мэйдзина никогда не бывает рядом с ним во время игры, но в этот день она сидела в соседней комнате и внимательно следила за Мэйдзином. На доску она не взглянула ни разу.

Супруга Отакэ тоже не появлялась в комнате, где проходит игра, но и спокойно дожидаться перерыва она, по-видимому, была не в силах. Она то стоит, то ходит по коридору, наконец, не выдержав, заглядывает в Оргкомитет:

- Отакэ ещё думает?

- Да... видите ли, положение трудное...

- Я знаю... Если бы он хоть немного поспал, было бы легче.

Отакэ Седьмой дан промучился всю ночь, пытаясь решить, допустимо ли снова начинать игру с Мэйдзином, который ещё не оправился после болезни. Всю ночь он и глаз не сомкнул, а утром всё-таки пришел на игру.

В 12.30, когда партию нужно откладывать, - был ход чёрных. Прошло полтора часа, а хода всё нет. Об обеде никто и не вспоминает. Госпожа Отакэ, конечно, не может усидеть в своей комнате. Она тоже провела бессонную ночь.

Единственный в семействе Отакэ, кому ночью сегодня удалось поспать, - это Отакэ - младший, замечательный малыш восьми месяцев от роду. Спроси меня кто-нибудь о характере Отакэ Седьмого дана, - я просто показал бы ему этого малыша - живое воплощение бойцовского духа и мужества отца. Сегодня на взрослых тяжело смотреть, и единственное моё спасение - этот Момотаро.

В этот день я случайно заметил в брови у Хонинбо Мэйдзина седой волосок длиной около дюйма. И этот длинный волосок на лице Мэйдзина с припухшими веками и вздувшейся веной был для меня якорем спасения.

Атмосферу в комнате, где идет игра, вполне можно назвать гнетущей. Я стоял на веранде и смотрел вниз на раскаленный солнцем двор. Там какая-то модно одетая барышня беззаботно бросала в пруд карпам кусочки печенья. Мне казалось, что я невольно стал свидетелем некоего тайного действия. Даже не верилось, что игра и это действие совершаются в одном и том же мире.

Обе женщины - и супруга Мэйдзина, и супруга Отакэ были взволнованы, лица их побледнели, черты обострились, выражение лиц стало жестче. Когда началась игра, супруга Мэйдзина, как всегда, вышла из комнаты, однако сегодня она вопреки привычке вскоре вернулась и наблюдала за Мэйдзином из соседней комнаты. Онада Шестой дан закрыл глаза и опустил голову. Обозревателю Мурамацу Сёфу тоже не по себе, Даже Отакэ Седьмой дан не произносит ни слова. Кажется, будто он избегает прямо смотреть на Мэйдзина, своего противника.

Вот вскрывают конверт с записанным при откладывании 90 ходом белых. Мэйдзин то и дело склоняет голову то вправо, то влево, 92 ходом он пошел

на взаимное разрезание. Обдумывание 94 хода заняло 1 час 9 минут. Мэйдзин то закрывал глаза, то смотрел в сторону, иногда наклонялся вниз, будто борясь с приступом тошноты. Похоже, ему нездоровилось. Вид его не выражал внутренней силы, как бывало прежде. Может быть, виной тому освещение, или что другое, только контур лиц Мэйдзина казался размытым, словно призрачным. Даже тишина в комнате была какой-то необычной. Игроки сделали 95, 96, 97 ходы. Стук камней о доску вселял смутную тревогу, словно эхо в пустынном ущелье.

Над 98 ходом Мэйдзин вновь думал больше получаса. Он часто моргал, рот его был слегка приоткрыт, а веером он размахивал так яростно, словно старался раздуть пламя где-то в глубине своего существа. Трудно понять, как можно играть в таком состоянии.

В это время в комнату вошел Ясунага Четвёртый дан. Переступив порог, он сделал традиционный поклон. Это был очень почтительный поклон, по всем правилам. Но ни один из соперников его поклона не заметил. Когда Мэйдзин или Седьмой дан поворачивались в ту сторону, где сидел Ясунага, тот сразу же почтительно опускал голову. Ничего другого ему не оставалось делать. Вся сцена выглядела так, словно какие-то демонические силы сошлись в ужасной битве.

Едва был сделан 98 ход белых, как девушка-секретарь объявила время: 12 часов 29 минут. В 12.30 откладывание.

- Сэнсэй, если вы устали, то может быть, отдохнёте?... - обратился к Мэйдзину Онода Шестой дан. Только что вернувшийся из туалета Отакэ тоже присоединился к просьбе.

- Отдохните, пожалуйста. Не церемоньтесь со мной. Я один подумаю над ходом и запишу его. Обещаю ни у кого не просить подсказки, и впервые за весь день все рассмеялись.

Все сочувствовали Мэйдзину и не хотели, чтобы он оставался сидеть за доской. Отакэ должен был лишь записать свой ход, поэтому особой необходимости сидеть у Мэйдзина не было. Он наклонил голову и некоторое время раздумывал, уйти или остаться...

- Пожалуй, я посижу ещё немного...

Однако он тут же встал и отправился в туалет. Вернувшись, он зашёл в соседнюю комнату и затеял веселый разговор с Мурамацу Сёфу. Вдали от доски Мэйдзин выглядел против ожидания бодро.

Оставшись в одиночестве Отакэ Седьмой дан впился глазами в позицию белых в правом нижнем углу. Он думал 1 час 13 минут, но записанный им уже во втором часу девяносто девятый ход был подзоки в центре доски.

В то утро, когда члены Оргкомитета зашли в комнату Мэйдзина и поинтересовались, где он сегодня хотел бы играть: во флигеле или на втором этаже главного корпуса, Мэйдзин ответил:

- Я пока не могу выходить на улицу и предпочел бы главный корпус. Но ведь ещё раньше Отакэ-сан говорил, что в главном корпусе ему мешает шум водопада. Спросите лучше Отакэ-сан. Будем играть там, где он захочет. Таков был ответ Мэйдзина.

8

Волосок Мэйдзина, о котором я написал в репортаже, был седым и рос в левой брови. Однако на снимке покойного все волоски правой брови получились длинными. Не могли же они вдруг вырасти после смерти. И потом, брови у Мэйдзина были не такими уж длинными. На снимке волоски были явно длиннее, чем в натуре, но ведь фотография не может врать.

Вряд ли дело было в обработке пленки. Я фотографировал аппаратом “Контаск” с объективом “Зонар 1.5”, и пусть я плохо разбираюсь в технике съёмки, но всё же вижу, что объектив сработал так, как надо. Для него все одинаковы: живые ли, мёртвые ли, всё равно, люди это или предметы. Незнакомы ему ни восхищение, ни чувствительность. Если я не напугал при съёмке, то “Зонар 1.5” снял всё точно. Благодаря объективу, снимок покойного получился по тональности богатым и мягким.

До глубины души поразило меня то настроение, которым веяло от снимков. Несомненно, это настроение создавалось мёртвым лицом Мэйдзина. Ведь лицо человека всегда что-то выражает, хотя у покойного, конечно, за этим выражением не скрывается никаких чувств. Мне даже стало казаться, что фотографии изображают человека не живого, но и не мёртвого. Ведь он получился как живой, только спящий. Нет! И это не так. Смотришь на снимок и знаешь, что это покойный, но все равно чувствуешь в нем что-то, одинаково говорящее и о жизни, и о смерти. Может быть, это объясняется тем, что на снимках у покойного такое же лицо, какое бывает у живых? Может быть, это лицо напоминает о многом, что случалось, когда Мэйдзин был жив? Или может быть, дело в том, что передо мной не само мертвое лицо, а лишь его фотография? Удивительно и то, что лицо мертвого гораздо отчетливее и подробнее видно на фотографии, чем воочию. И ещё мне подумалось, что эта фотография стала для меня символом чего-то тайного, на что непозволительно смотреть.

Потом я пожалел, что сделал фотографии покойного. Всё-таки, это был бездушный поступок. Нельзя сохранять мёртвое лицо на фотоснимках. Хотя правда и то, что эти снимки напоминают мне о необычной жизни Мэйдзина.

Мэйдзина никак нельзя было назвать красивым, а лицо его - утончённым. Скорее оно было худощавым и грубоватым. Красотой не отличалась ни одна из черт его лица. Например, уши - мочки казались расплюснутыми. Рот был большим, а глаза, наоборот маленькие. Благодаря умению, выкованному

долголетней практикой, фигура Мэйдзина за доской выглядела непоколебимо спокойной, и что-то от этого спокойствия оставалось даже на фотографии мертвого Мэйдзина. Складки сомкнутых век выражали глубокую скорбь, как, впрочем, бывает и у спящих.

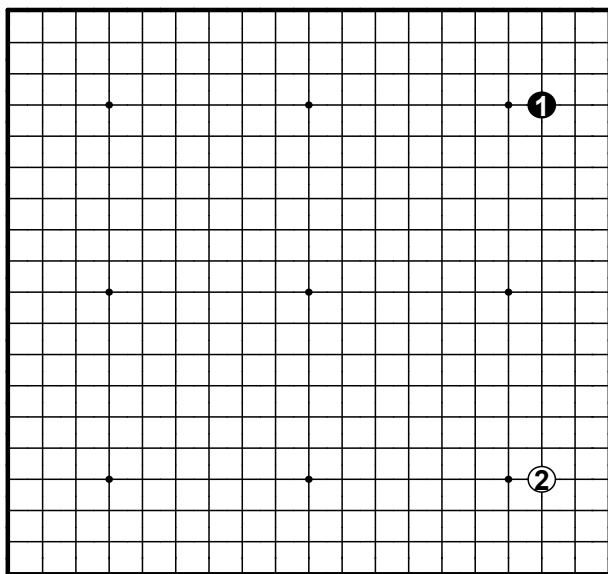
Стоило перевести взгляд с лица мёртвого Мэйдзина на его грудь, как начинало казаться, что перед вами марионетка, у которой есть только голова, задрапированная кимоно с панцирным узором. Это кимоно надели на Мэйдзина впервые после смерти - оно не было подогнано по фигуре и топорщилось в тех местах, где начинаются рукава. В целом создавалось впечатление, что тело Мэйдзина от груди постепенно книзу сходило на нет. Это о ногах Мэйдзина врач в Хаконэ сказал, что удивляется, как тому хватает сил передвигаться. И когда тело выносили из гостиницы Урокоя и грузили на машину, по-прежнему казалось, что в гробу ничего нет кроме головы и груди. Я впервые увидел Мэйдзина, когда приехал писать о ходе Прощальной партии, - уже тогда мне бросились в глаза его крошечные колени, когда он сидел по-японски. И на фотографии покойного господствовало лицо. Что-то жуткое было в этой отдельно лежащей голове. Это жуткое присутствовало и на моих снимках. Возможно, так казалось именно потому, что на них было лицо, запечатлённое в последний миг драмы, лицо человека, настолько захваченного своим искусством, что оно утратило многие свои реальные черты. Быть может, я запечатлел на этих снимках лик самой судьбы человека, отдавшего жизнь служению высшим идеалам. Искусство Мэйдзина исчерпало себя в Прощальной партии, - ею же закончилась и его жизнь.

9

Вряд ли когда-нибудь церемония открытия матча обставлялась с такой пышностью, как в Прощальном матче. Черные и белые сделали только по одному ходу, и после этого начался банкет.

Ещё стоял сезон дождей, но в этот день, 26 июня 1938 года, вдруг выглянуло солнце, и облака были по-летнему легкими. Веранда во дворе павильона Коёкан в парке Сиба была омыта дождем. На редких листьях базуки поблескивало солнце.

В парадном углу зала на первом этаже сидели Мэйдзин Хонинбо и претендент, Отакэ Седьмой дан. Слева от Мэйдзина Сюсаи сидели Сэкинэ XIII и Кимура. Оба в разное время имели титул Мэйдзина по сёги. За ними сидел Такаги, Мэйдзин по рэндзю. Всего в зале присутствовало четыре Мэйдзина. - Все они были приглашены газетой на церемонию открытия Прощальной партии Мэйдзина по Го. Я, как наблюдатель от газеты, сидел рядом с Мэйдзином Такаги. Справа от Отакэ Седьмого дана сидели издатель и главный редактор нашей газеты, секретарь и директор Японской Ассо-

циации профессиональных игроков в Го, трое престарелых профессионалов седьмого дана, судья в Прощальной партии - Онода, мастер седьмого дана, и несколько учеников Мэйдзина Сюсаи.

Все собравшиеся были в парадном японском платье с гербами. Церемонии открыл главный редактор, сказав несколько приветственных слов, подходящих к случаю. После его выступления воцарилась тишина - готовили к игре стоявшую в середине зала тяжелую доску. Вот Мэйдзин Сюсаи уже опустил слегка правое плечо - его обычная поза за доской. Какие крошечные у него коленки! Рядом с ним даже веер кажется огромным. Отакэ Седьмой дан закрыл глаза и тихонько покачивает головой то вперед-назад, то из стороны в сторону.

Мэйдзин встал и направился к доске. Благодаря вееру его вид напоминал самурая с коротким мечом со старинной гравюры. Вот он сел за доску. Левую руку он сунул за пояс, а правую слегка сжав кулак, - поместил под подбородок. Занял свое место и Отакэ Седьмой дан. Он поклонился Мэйдзину, взял стоявшую на доске чашу с черными камнями и поставил справа от себя. Поклонившись ещё раз. Седьмой дан закрыл глаза и застыл в этой позе.

- Начнём? - поторопил его Мэйдзин. Голос его прозвучал тихо, но, строго. Это означало "Почему вы медлите?". То ли Мэйдзина раздражала театральность позы Седьмого дана, то ли в этих словах проявились агрессивность и боевой дух Мэйдзина... Седьмой дан спокойно открыл и снова закрыл глаза.

Позднее, уже в городе Ито я узнал, что Седьмой дан в игровые дни по утрам читает Сутру Лотоса, вот и сейчас закрыв глаза, он, должно быть, пытается сосредоточиться. Вдруг раздался резкий стук камня о доску. Первый ход был сделан в 1 час 40 минут.

Что за фусэки избере́т Седьмой дан, новое или старое? Куда пойдет в хоси или в комоку? Весь мир ждал, какой ход сделает Седьмой дан. Первый ход чёрных был в пункт 3-4 (комоку) в правом верхнем углу. Это означало, что избрано старое традиционное начало. Итак, первая загадка в этой партии была разрешена.

Мэйдзин смотрел на доску, сложив руки на коленях. Сохранилось много фотографий и кадров кинохроники, запечатлевших этот момент.

Все они изображают залитого ярким светом Мэйдзина - его губы так плотно сжаты, что кажутся выпяченными; сидящие вокруг доски люди исчезли в тени. Это была третья игра Мэйдзина, которую мне довелось видеть, и я уже знал, что за доской Мэйдзин всегда словно излучает поток спокойствия, который таинственным образом как бы охлаждает и очищает воздух вокруг него.

Прошло пять минут, и Мэйдзин, видимо забыв об откладывании, рассеянно взял камень в руку, явно собираясь сделать ход.

- Ход готов! - вместо Мэйдзина провозгласил Отакэ Седьмой дан обратился к Мэйдзину:

- Сэнсэй, мне тоже иногда кажется, что я не играл вообще, если не поставлю камень на доску.

Мэйдзин поднялся и в сопровождении секретаря Ассоциации удалился в соседнюю комнату. Закрыв дверь, он записал на бланке свой ход и вложил бланк в конверт. Записанный ход считается недействительным, если его видел кто-нибудь кроме самого игрока.

Затем Мэйдзин сел за доску вновь. “Воды нет” - проговорил и, послуни́в два пальца, заклеил конверт. На месте склейки Мэйдзин расписался. Седьмой дан свою подпись поставил на месте склейки нижнего клапана конверта. Этот конверт вложили в другой, большего размера, и внешний конверт члены Оргкомитета опечатали своими печатями. После этого конверт поместили в сейф павильона Коёкан.

На этом церемония открытия закончилась. Обоих участников попросили ещё раз сесть за доску, чтобы Кимура Ихэй мог спокойно сфотографировать их для заграничных агентств. Когда и это было сделано, все облегченно вздохнули. Престарелые седьмые даны окружили доску, обмениваясь замечаниями о камнях, о самой доске.

Кто говорил, что толщина камней одиннадцать миллиметров, кто - одиннадцать с половиной, кто - двенадцать, а Кимура, Мэйдзин по сёги, сказал:

- Да, камни высшего класса... дайте потрогать, - и взял в горсть несколько камней. Кое-кто из профессионалов предоставил для этой игры свои лучшие, прославленные доски. Потому что хотя бы один ход этой партии, сделанный на знаменитой, имеющей историю доске, ещё больше увеличивал её славу.

После недолгого перерыва начался банкет.

Кимуре, Мэйдзину по сёги, в ту пору было тридцать четыре года, Мэйдзину Сэкинэ XIII - семьдесят один год, Такаги, Мэйдзину по рэндзю, - пятьдесят один год по японскому счёту.

10

Мэйдзин Хонинбо родился в 1874 году и несколько дней назад скромно, как и подобает во время войны, отпраздновал своё шестидесятипятилетие в узком кругу. Перед началом второго игрового дня он заметил: “Интересно, кому больше лет? Павильону Коёкан или мне?”.

Он рассказал, что в этом самом зале играли такие знаменитости прошлого века, как Мурасэ Суюхо, мастер восьмого дана, и Мэйдзин Хонинбо Сюсаи.

Игра второго дня велась на втором этаже в зале, выдержанном в стиле конца прошлого века: от раздвижной перегородки до подъемного окна - все было украшено изображениями осенних листьев в соответствии с названием: Коёкан - Дворец осенней листвы. Один угол был отгорожен золоченой ширмой, тоже расписанной осенними листьями в духе школы Огаты Корина. В нише стояли живые цветы аралии и маргаритки. Из зала площадью в тридцать метров была видна другая комната, поменьше, там тоже стоял огромный букет. Было видно, что маргаритки в том букете немного привяли. Иногда в комнату заходила девушка, подстриженная под пажа, она приносила очередную порцию чая. Больше туда никто не входил.

Отражение белого веера Мэйдзина беззвучно двигалось по чёрному лакированному подносу с охлажденной водой. Из корреспондентов присутствовал только я один.

Отакэ Седьмой дан был одет в кимоно с гербами из двухслойного шелка хабутаэ, поверх которого была накидка хаори из полупрозрачного шелка. Мэйдзин сегодня одет не так парадно. На нём хаори с вышитыми гербами, и доска сегодня уже другая.

Накануне чёрные и белые сделали лишь по одному ходу - ведь это была лишь церемония открытия, а настоящая игра начинается, можно сказать, только сегодня. Отакэ Седьмой дан сейчас думает над третьим ходом, он то щелкает веером, то сцепляет руки за спиной, то водружает веер на колено, ставит на него руку и подпирает ладонью щеку. Вдруг я замечаю, что дыхание Мэйдзина становится шумным. Он разводит плечи пошире и делает глубокие мощные вдохи. При этом никаких признаков недомогания. Слышатся